

ПСИХОАНАЛИЗ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

А.В.КАЗАНСКАЯ

(Х.Томэ, Х.Кэхеле «Современный психоанализ», Москва, «Прогресс», 1996)

Размышления редактора перевода

Переводить можно правильно или неправильно, но считать перевод единственно правильным можно лишь в том случае, если за ним стоит прочная традиция, нарушение которой вызвало бы лишь недоразумения. Если же речь идет о чем-то новом, терминологически еще не устоявшемся, то переводящий оказывается перед выбором: искать уже существующие в родном языке приблизительные эквиваленты новым понятиям в надежде, что они постепенно обретут еще одно значение, либо оставить их в почти неизменном виде, с расчетом, что неуклюжесть и чуждость звучания сотрутся временем и частотой употребления. Другие варианты, как, например, изобретение неологизмов и калькирование иностранных слов являются, по существу, лишь промежуточными. Бдительно и настороженно пере-перевести или благодушно и некритично недо-перевести – вот две крайности, между которыми лавирует переводчик. Славянофил и западник – или в советском переводе патриот и космополит – строго взирают на него с обеих сторон, и ему начинает казаться, что как раз на равнодействующей их взглядов и лежит единственно верное решение.

Если же дело касается современной психоаналитической литературы, то здесь переводчик попадает даже не в одномерный пролив между Сциллой и Харибдой, а в многомерный лабиринт. Казалось бы, следует попытаться восстановить оборванную традицию и как можно точнее придерживаться терминологии первых переводов Фрейда. Но этот путь заводит в тупик не только потому, что современное устное профессиональное словоупотребление естественным образом отошло от стиля 10-х – 20-х годов, но и в связи с тем, что немецкоязычная традиция психоанализа тоже была прервана, многие его видные представители как раз почти одновременно с исчезновением психоанализа в СССР вынуждены были эмигрировать в англоязычные, главным образом, страны, и в течение

многих лет важные для его развития работы писались по-английски. Обойти этот факт вниманием никак нельзя, т.к. при переложении на англоязычную почву язык психоанализа претерпел принципиальные изменения, а, кроме того, подавляющее большинство отечественных профессионалов сейчас читает зарубежную литературу именно по-английски, и некоторые терминологические варианты уже вошли в обиход.

Мы не видим веских оснований закрывать глаза на уже сложившуюся устную традицию и употребляем *Ид*, *Эго* и *Суперэго* наряду с *Оно*, *Я* и *Сверх-Я*, если речь идет о текстах, написанных на английском языке. Изобретенные Джеймсом Стречи термины кажутся нам даже удобными в определенных случаях и для русского профессионального языка. Оставляя в своем распоряжении *Эго* как отдельное слово и как часть составных слов типа эго-психология, мы освобождаем *Я* для обозначения труднопереводимого слова *self* (self-psychology, self-object).

Вообще говоря, баланс между прямым заимствованием и переводом определяет сама жизнь, и тому есть много исторических примеров. Такой баланс обычно допускает иногда равноправное, иногда с перевесом в одну сторону, сосуществование двух вариантов. Аэроплан, вертолет, передача. Предоставим читателю самому датировать возникновение разных вариантов и размышлять о факторах, определяющих их популярность. Считается, например, что *межличностный* звучит по-русски красивее, чем *интерперсональный*, но подобрать удачный отечественный вариант слова *биперсональный* невозможно.

Многозначное слово *вытеснение* прочно утвердилось как психоаналитический термин (repression, Verdrangung). Оно вытеснило такие встречавшиеся ранее варианты, как *репрессия* и *подавление*, несмотря на то, что они лучше передают «военную» метафорику Фрейда.

Термин *перенос* заменил *перенесение*, употреблявшееся в старых переводах Фрейда, и сильно потеснил *трансфер*, однако, выражение «переносный смысл» несет слишком большую нагрузку в обыденной речи, чтобы можно было отказаться от прилагательного «трансферентный». В английском языке, например, в значении «переносный» используются прилагательные, близкие к русским «фигуральный, метафорический», поэтому слово «*трансферентный*» остается свободным для использования в качестве психоаналитического термина. Именно благодаря недвусмысленности, ясной отсылке к психоанализу, к медицине с ее латинской терминологией использование таких выражений, как трансферентные отношения, трансферентная любовь и т.п. кажется нам более строгим и элегантным, а тем самым более приемлемым этически и эстетически, чем поиск прилагательного с русским корнем.

Мы отдаем себе отчет, что оставляем в достаточно разбалансированном состоянии перевод группы терминов, связанных с *контейнированием-вмещением*. Не в силах подавить желание найти более

подходящий к описанию чувств эквивалент этому слишком техническому для русского языка термину, мы все же не можем объявить его совсем «непечатным». Читатель не будет знать, какое слово мы перевели как вложение, то могут возникнуть серьезные недоразумения, т.к. это слово, к сожалению, иногда ошибочно переводится как удерживание или даже сдерживание, что искажает его смысл.

В принципе против применения технических терминов в психоанализе трудно возражать. Он переходит границы, как это делает техника – именно та область, где нужно быстрое взаимопонимание, где чтение литературы опережает ее перевод. Облегчая такое чтение, заимствования сами по себе имеют большой технический смысл. Мы оставляем и само слово *техника*, не заменяя его более традиционной в психологии и педагогике «методикой».

Вновь создаваемые технические термины обычно на языке оригинала являются всякому понятными метафорами (самый близкий сегодня пример – компьютерный язык), а на иностранном языке часто выглядят неуклюже, не «по-человечески». В принципе засорение языка при техническом прогрессе неизбежно, как засорение природы, но это может быть бессмысленное загрязнение и обеднение, а может быть обогащение одного языка другим, а, в конечном счете, и взаимное обогащение языков, как это иногда происходит в психоанализе: немецкий, английский и другие языки – и вновь немецкий. Яркий пример этому – книга, о которой идет речь.

Техника быстро становится интернациональной или, если хотите, международной. Вообще говоря, использование параллельных – пусть даже и не полностью синонимичных – терминов для одного и того же психоаналитического понятия не кажется нам чем-то неприемлемым. Например, *интерпретация* и *толкование* многие годы уживаются без всяких недоразумений даже не как близнецы, а как костюмы (соответственно, расхожий и специально подобранный), надеваемые в зависимости от ситуации. Так же не можем мы отдать предпочтение одному из одинаковых по смыслу вариантов: *конкордантный-комплементарный* или *соответствующий-дополнительный*.

В русском языке существуют слова *объект* и *предмет*, близкие, но не однозначные. В прошлом слово *предмет* гораздо чаще применялось по отношению к людям (предмет моей страсти, мой предмет). Однако это употребление кажется сейчас архаичным. *Объект* в большей степени звучит как специальный термин, однако после пояснения становится совершенно понятен как обозначающий людей и представления о них, а, кроме того, является общим для европейских языков, поэтому мы оставили его в неизменном виде.

От некоторых бытующих в обыденной речи терминов, по нашему мнению, в профессиональной сфере следует отказаться. «Подсознание» является неточным переводом – на других языках есть *сознание* и *бессознательное* – и провоцирует игру слов: подсознание, надсознание,

отсылающую нас к временам критики фрейдизма, когда мир был расщеплен на темное биологическое «под» и светлое социальное «над».

Нам представляется нецелесообразным и употребление на русском языке

словосочетания *пограничное состояние* в контексте психоанализа. В советской психиатрии к пограничным состояниям или расстройствам относились невроты и психопатии. В психоанализе понятие *пограничного синдрома* (borderline syndrome или condition, Grenzfall) имеет другой фактический и концептуальный смысл.

К терминам, переводившимся без колебаний, можно отнести *расщепление* (split, Spaltung), *проработку* (working through, Durcharbeiten), *отреагирование* (abreaction, Abreaktion), *отыгрывание вовне – внутрь* (acting out – in, Agieren), *всемогущество* (omnipotency, Allmacht-Omnipotenz) и многие другие, уже утвердившиеся в профессиональном языке.

В двойном варианте мы оставили *инсайт-озарение* (insight, Einsicht) и *катексис-наполнение* (cathexis, Besetzung), опасаясь, что заимствованные слова настолько широко употребляемы, что переводить их уже просто поздно.

Мы остановились на слове *супервизия* как на более прозаичном, чем другой возможный вариант – супервидение – вызывающий слишком много ассоциаций с предвидением, ясновидением, с всемогуществом супервизора. Слово супервизорство не передает нужного смысла, т.к. предполагает лишь институт или традицию, но не процесс.

Из всех возможных значений слова to resolve (растворяться, распадаться и т.д.) мы остановились на самом широко употребляемом среди профессионалов, хотя и не укладываемом в обыденный язык выражении *разрешить перенос*, сочтя, что оно вызывает подходящие в данном случае образы: «разрешить сомнения», «разрешиться от бремени», «разрешение мелодии в консонанс».

И в заключение о транслитерации имен собственных. В этом вопросе мы руководствовались традициями – устными и письменными. Так, например, Мелани Кляйн у нас звучит по-немецки, а Джордж Клейн по-английски, Шандор Ференци – по-венгерски и т.д. Мы знаем, что в странах латинского алфавита все имена пишутся единообразно, однако их произношение сильно зависит от родного языка говорящего. Может быть, есть что-то символичное в том, что у нас имя Зигмунда Фрейда и пишется, и произносится на русский лад.

Понимая, что перевод никогда не может быть, как уже было сказано, единственно правильным и свободным от недостатков, переводчики и редактор будут благодарны читателям за отзывы и критические замечания.